

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ САМОИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

© 2009 Г. В. Строева

докторант, канд. пед. наук,
e-mail: otrexp@mail.ru

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Хотя Древнюю Русь не принято рассматривать с точки зрения наличия принципов исправления осужденных, однако самобытные подходы древности в отношении человека могут помочь нашей стране снизить уровень рецидивной преступности. Прежде всего, это касается ведущих идей духовной сущности человека и его абсолютной причинности, которые делают возможным создание на их основе концептуальной модели процесса самоисправления.

Ключевые слова: чувство собственного достоинства, самоисправление, нравственность.

Мы живем в XXI веке, позади тысячелетние поиски ответов на вопросы, кто такой человек, что является его сутью, как помочь ему стать лучше. Но в этом прагматичном, высокотехнологичном мире человек не стал ни лучше, ни этичнее, ни просвещеннее. Это касается и осужденных, количество которых за последние столетия не только значительно возросло, но и преступления которых стали циничнее и безжалостнее.

Не улучшилась ситуация и с исправлением осужденных, хотя само исправление с XIX века на законодательном уровне названо одной из основных целей пенитенциарной системы России. Растущий уровень рецидивной преступности говорит о том, что у системы нет на самом деле работающей технологии, которая могла бы помочь исправлению осужденных и возвращению их в социум гражданами, способными без постороннего контроля и опеки вести жизнь, достойную человека.

Однако если посмотреть в международном масштабе, то в России рецидивная преступность в несколько раз ниже уровня рецидива ведущих мировых держав, что говорит о существовании идей и подходов к человеку и его исправлению, которые позволяют не просто удерживать такой показатель, но и иметь образец полной реабилитации преступников (А. С. Макаренко). Истоки этого феномена следует, на наш взгляд, искать в самых древних слоях культуры. Поэтому впервые в пенитенциарной педагогике нами сделана попытка систематизировать некоторые идеи Древней (дохристианской) Руси и предложить основополагающие блоки концептуальной модели самоисправления осужденных.

Чтобы понять, какими были представления праславян в отношении самих себя, необходимо рассмотреть их способ идентификации. Идентификация – это определенное отождествление, установление совпадения, соответствия индивида (или чего-либо) с кем-либо или чем-либо другим. На самом деле, человеку не обязательно идентифицироваться, но в этом мире привычным является такое отождествление.

Древние славяне считали, что они происходят от солнца, ощущали себя прямыми потомками Богов и осознавали свою бессмертность. «Верование в бессмертие, без сомнения, существовало у них» [Ибн Руста Абу 1869: 135].

Знание собственной духовной природы вызывало состояние полной причинности в своей жизни. «Славяне были убеждены, что миропорядок не является раз и навсегда жестко заданным божественным проявлением. Поэтому они активно влияли на жизнь в поисках гармонии социального устройства. Они верили в то, что судьба человека находится в тесной связи со свободой волеизъявления» [Момотов 2003: 396]. Известны и слова византийского историка VI века Прокопия Кесарийского: «Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей» [Петрухин 2004: 376]. Следовательно, определенная идентификация влекла за собой сознание полной субъектности, что в свою очередь приводило к активной неадаптивности. Другими словами, человек сам отвечал за свою жизнь и приспособлял окружение к своим нуждам и целям, стремясь при этом к гармоничному результату.

Осознание духовной сущности человека, рождало идеи личной свободы и ненасилия. Представляя себя потомками Богов, «Скифы, называясь разными именами, более всего любили свободу» [Карамзин 2008: 19]. Славяне «известные иностранцам своей исполненной любовью к свободе, уважали ее и в других» [Макушев 1861: 148].

Для них священны были свобода и честь, они были храбры и отважны и с необычайным упорством духа «стояли за свободу, что скорее готовы были бы умереть» [Макушев 1861: 159].

«Даже рабы, по истечении известного срока, делались свободными гражданами, как видно из Маврикия: «Военнопленные содержатся у славян в рабстве не на всю жизнь, как это делается у других народов, но по прошествии известного времени предоставляют им на выбор – возвратиться на родину, заплатив выкуп, или остаться между ними свободными и друзьями» [Макушев 1861: 148].

Напомним, что в истории России отсутствовал рабовладельческий строй. Иногда это объясняют отсталостью народа, однако, на наш взгляд, мировоззрение наших предков полностью исключало идею порабощения другого существа, признавая за другим человеком абсолютное равенство прав, в том числе его право на личную свободу.

Интересен в этом плане и подход к преступникам. Первоначально такого человека просто изгоняли из общности, лишая его поддержки, но не отбирая пространства и свободы. Подобное отношение можно проследить вплоть до XI–XII веков [Гильфердинг 1874].

Отметим, что определенным образом это говорит не только о признании недопустимости насилия над другой личностью и понимании, что жестокость не приведет к ее исправлению, но и об отсутствии технологии, которая помогала бы преступнику измениться. В результате общность как бы снимала с себя ответственность за этих людей, которые впоследствии объединялись и представляли прямую угрозу для безопасности социума. При этом в самой культуре существовали идеи, дававшие возможность помочь преступнику изменить себя, имелись также определенные символы повышения уровня нравственности, которые еще предстоит восстановить.

Итак, важной чертой, которая составляла своеобразие этих народов, было уважение другого существа и утверждение равенства его прав: «никакого особого властелина у них нет, они не признают над собой власти короля или князя, считаясь братьями, происходящими от одного отца» [Макушев 1861: 147]. Они «не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща» [Петрухин 2004: 376].

Равенство в правах любого человека общности выражалось также и в равных возможностях для всех его членов. Иностранцы, говоря о знатных людях, не отмечали,

что те составляли какое-либо особое сословие и пользовались какими-либо особыми правами и преимуществами [Макушев 1861: 148]. Кроме того, любой человек мог продвигаться до должности князя либо подняться еще выше – до состояния волхва. Весь вопрос заключался в способности человека нести ответственность. И здесь существовало неизменное правило: чем больше способен взять (и берет) ответственности человек, тем выше он по уровню знаний и по объему своего влияния. Так, если от князя требовалось умение организовать дружину и защищать земли, грузы и т.д. Волхвы же определяли стратегию развития целых общностей, а, следовательно, несли полную ответственность за благополучие своего народа. Они также отвечали за хранение и передачу без искажений знаний. Ибн Руста Абу писал: «есть врачи, которые имеют такое влияние на царя, как будто они начальники ему» [Ибн Руста Абу 1869: 38] (восточный исследователь под врачами подразумевал волхвов, которые в числе прочего могли и врачевать).

Знанием своей духовной сущности и собственного бессмертия можно объяснить мужество и отвагу наших предков. «Иностранцы удивлялись храбрости и ловкости славян, а потому старались заманить их в свои войска» [Макушев 1861: 132]. Китайская хроника Чжоу шу свидетельствует: «За славу считают умереть на войне, за стыд – кончить жизнь от болезни» [Петрухин 2004: 383] и т.д.

К сожалению, письменные источники содержат больше сведений о военных победах, чем о свершениях в обычной жизни людей, входивших в праславянскую общность (что, на наш взгляд, говорит о нравах самих исследователей и писателей того времени). Но даже это дает возможность сделать вывод, который был научно подтвержден только в XX веке, что успехи в достижении поставленных целей и победы укрепляют чувство собственного достоинства и гордости за себя и свою общность.

Согласно словарям, гордость – это чувство, возникающее от знания и осознания значимости, достижений, положительных качеств, заслуг. Чувство собственного достоинства – гордость, основанная на осознании собственных достижений, уважение в самом себе положительных качеств, сознание своих прав, своей значимости, своего влияния и роли в жизни. Происхождение слова вносит еще некоторый оттенок, в древности это слово буквально означало «такой, какой следует, каким должен быть» [Шанский 2001: 76].

Необходимо отличать чувство собственного достоинства от высокомерия. Последнее зачастую подменяет собой твердую уверенность в себе и основывается на приписывании себе ценностей, качеств, способностей, которыми в реальности индивид не обладает [Лейбин 2006]. «Гордость за собственные достижения и успехи в жизни – важное качество нормального человека, основанное на ощущении собственной ценности и чувстве достоинства» [Лейбин 2006: 402.]. Интересным нам представляется этимология слова «гордость»: слово происходит от «гора» – исходное значение – родник – то, из чего что-либо проистекает, рождается [Шанский 2001].

Таким образом, чувство гордости, собственного достоинства является тем источником, который не позволяет человеку совершать антисоциальные поступки и быть безнравственным, поскольку он считает ниже своего достоинства поступать так. Попутно отметим, что слово «пенитенциарная» в названии самой исправительной системы происходит от латинского *penitens* – раскаивающийся, покаянный. Идея покаяния осужденных как средства их исправления выросла из теории психологического принуждения нескольких тюремных систем заключения (пенсильванской – одиночное заключение, обурнской – ночное разъединение, прогрессивной – поэтапное заключение), где основной упор был сделан на признании осужденным своей вины, сожалении о содеянном и последующей выработке законопослушного поведения. Однако таким образом получались смиренные, «хорошие

заклученные» [Поздняков 2003], но не селфдетерминированные субъекты социально направленной деятельности.

Согласно словарной дефиниции, слово «смирение» означает отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле [Ожегов 1999], сознание своего ничтожества, своей слабости и недостатков; чувство сокрушения, унижения (В. Даль) [Словари 2009]. «Смирение состоит в том, что человек не высоко думает о себе, питает в своем сердце духовное убеждение, что ничего своего не имеет... и что он ничего доброго не может сделать... таким образом вменяет себя за ничто» [Словари 2009]. Согласно В. Далю, «посадить кого в смирение» в свое время означало – посадить в тюрьму, в темницу, в заключение [Словари 2009]. Интересно в этом случае и происхождение слова. Это исконное русское слово, производное от «смиръ» – «мир, тишина», такого же типа, как «смерть». Смерть же в свою очередь образовано от «мърть» (смерть) с помощью приставки съ- в значении «хороший». «Буквально – «хорошая, естественная, своя смерть. Приставка съ- в этом значении родственна местоимению свой: хорошо, так сказать, то, что свое» [Шанский 2001: 295].

Следовательно, смирение разрушает самоуважение. Поэтому попытки вызвать на первоначальном этапе исправления осужденных раскаяние, смирение и т.п. без достаточного накопления социально-положительного потенциала приводят к последующей деградации духовной составляющей человека (у осужденного не остается опоры для позитивного уважения себя).

Отметим, что чувство собственного достоинства, уважение себя вызывают и уважение другого человека, признание его достоинств. И на этой основе возможно добровольное мирное, спокойное, уверенное, незлобивое отношение к другому человеку.

Ощущение себя центром мироздания, вольным духом вызывало и полную ответственность древних за происходящее. Это также влекло за собой абсолютную открытость и доверие между людьми. «Славянин, дав однажды честное слово, всегда оставался ему верен» [Макушев 1861: 155]. В «Житие епископа Оттона Бамбергского», который возглавлял в XII в. католические миссии в Западном Поморье и проводил христианизацию поморских славян, отмечается, что «честность же и товарищество среди них таковы, что, совершенно не зная ни краж, ни обмана, они держат сундуки и ящики незапертыми. В самом деле ни замков, ни ключей мы там не видели, а сами они были весьма удивлены, увидев наши вьюки и ящики запертыми. Платье свое, деньги и все свои драгоценности они хранят в своих бочках и кадках, просто накрытых крышкой, и не боятся никакого обмана, ибо не испытывали его» [Фрейденберг 1987].

Чувство собственного достоинства влекло за собой и другие отличительные черты славян, в числе которых исследователи называют: неутомимое трудолюбие [Макушев 1861: 118]; толерантное отношение к чужим религиям и культурам [Шатило 2007: 91], удивительную кротость, терпимость и добродушие [Гильфердинг 1874: 222]; «нежность и мягкость характера» [Ибн Руста Абу 1869: 135]. Летописи называют этот народ «самым тихим и мирным» [Гильфердинг 1874: 222]; «не лукавым», незлобивым [Гуревич 1877: 31]; простым нравом, но гордым умом [Орлов 2006]. «Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в резкой противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных и полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадают очень редко между славянами» [Гуревич 1877: 30].

«Все писатели единогласно восхваляют добродушие славян. Относительно нравов и гостеприимства, по словам Адама Бременского, не найти людей честнее и

добродушнее. Даже балтийские пираты, по сказанию Гельмольда, отличаются гостеприимством и щедростью. Для гостя и странника славянин готов был жертвовать всем, что у него было лучшего» [Макушев 1861: 154]. «Надобно повторить уже не раз представлявшееся нами заключение, что Балтийские Славяне, когда только не были ожесточены внешними обстоятельствами, верно хранили коренное свойство Славянского племени, добродушную кротость» [Гильфердинг 1874: 222].

Уникальным у праславян было и понимание языка, точнее глубинное понимание смыслов, функциональная грамотность (современным языком). Отметим, что отношение к пониманию (полному пониманию слова) подробно было исследовано только в XX веке. Хотя на протяжении нескольких тысячелетий философы и педагоги неоднократно обращали внимание на проблему понимания, видя прямую зависимость между пониманием и поведением: чем больше понимания, тем более цивилизованный путь выбирает человек для решения своих проблем – «как мы понимаем значение слов, влияет на наше поведение и мышление» [Орлов 1996: 2].

Итак. Люди, жившие на огромной территории евразийского континента, считали себя прямыми потомками богов. Это определяло устойчивость идентификации и отсутствие смятения «Кто я?». Наши предки не прятались за маски и не стремились к получению ложной идентификации со стороны других, а были сами собой и знали, кто они есть [Софронова 2006].

Понимание духовной природы человека влекло за собой особенности мировоззрения славян: осознание собственной причинности и мощи, чувство собственного достоинства и гордость, а отсюда уверенное, гармоничное отношение к окружающему; признание равных прав другого человека; идея ненасилия и свободы, при одновременной полной ответственности за общность. В Древней Руси существовало и совершенно уникальное отношение к языку. Глубинное ощущение смысла слова до сих пор воспроизводится в этносе и создает неповторимую социокультурную атмосферу.

В совокупности это рождало силу людей и способствовало еще большему укреплению их чувства собственного достоинства.

Поскольку славяне признавали свою абсолютную причинность, становится очевидной идея, что только собственными усилиями человек способен исправиться и исправить последствия совершенного им.

Следовательно, можно сделать вывод, что базой любого жизненного процесса (в том числе и самоисправления осужденных) является способ идентификации: кем себя считает человек. В случае с древними славянами, это – бессмертное, духовное существо, потомок богов. Подобная идентификация вызывает принятие полной причинности и абсолютной ответственности не только за свою жизнь, но и за окружение. Субъектность жизни и деятельности рождает активную неадаптивность. Поэтому, если и возможно изменение мировоззрения и поведения человека, то такие изменения индивидуум способен произвести только сам.

Ощущение бессмертной сущности влечет за собой спокойную уверенность и мужество, что дает возможность ставить большие цели и достигать их, то есть одерживать победы. Последнее укрепляет чувство собственного достоинства, что помогает соблюдать добродетели и повышать свой положительный потенциал. Это в свою очередь еще больше усиливает чувство гордости и человеческое достоинство.

Так мы получаем основные блоки концептуальной модели процесса самоисправления, базой для которой является способ идентификации. Целью – социально направленная, созидательная жизнь. Процессуальной частью – обучение с полным пониманием, выдвижение (пусть даже первоначально небольших) позитивных целей и успешное их достижение; соблюдение нравственных норм, принятых в

обществе. Условиями – собственная активность осужденного, ненасилие, соблюдение прав. Показателями – повышение чувства собственного достоинства и причинности. Попутно отметим, что последнее дает возможность оценить любые новации, внедряемые в исправительной системе: укрепляет или нет данный метод чувство собственного достоинства и позитивную причинность осужденного. Базовые подходы древности (в первую очередь признание равенства другого существа) могут также стать ориентирами и для сотрудников исправительных учреждений в их отношении к осужденным и друг другу.

Итак, если осужденный на самом деле заинтересован в свободной, социально-направленной жизни, то ему необходимо: четко определить себя как причину собственной жизни; самостоятельно наращивать чувство самоуважения через успехи и победы в достижении позитивных целей; познавать, используя действительно работающую технологию повышения понимания; брать все больше и больше ответственности за себя и за окружающий мир. Только при этих условиях он сможет обрести настоящую свободу – свободу, которую он выбрал и достиг сам.

Библиографический список

Ибн Руста Абу Известие о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах / Ибн Руста Абу. – СПб. : Типография Императорской академии наук, 1869. – 220 с.

Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В. В. Момотов. – М. : Зерцало-М, 2003. – 416 с.

Петрухин, В. Я., Раевский, Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М. : Знак, 2004. – 416 с.

Карамзин, Н. М. История государства Российского : от VI века до начала XVI века / Н. М. Карамзин. – М.: АСТ, 2008. – 831 с.

Макушев, В. В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян / В. В. Макушев. – СПб: Типография Э. Веймара, 1861. – 212 с.

Гильфердинг, А. Ф. Собр. соч. Т. 4. История балтийских славян / А. Ф. Гильфердинг. – СПб. : Изд. Д. К. Кажанчинова, 1874. – 479 с.

Шанский, Н. М., Боброва, Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов / Н. М. Шанских, Т. А. Боброва. – М. : Дрофа, 2001. – 400 с.

Лейбин, В. Постклассический психоанализ: Энциклопедия. Т. 1 – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.

Поздняков, В. И. Критерии оценки исправления осужденного: какими им быть? / В. И. Поздняков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2003. – № 8. – С. 42–45.

Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/193948> (дата обращения 10.05.2009).

Хрестоматия по истории южных и западных славян : учеб. пособ. для вузов : в 3 т. Т. I. Эпоха феодализма / отв. ред. М. М. Фрейденберг. – Минск: Изд-во «Университетское», 1987. – 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://arkona-club.narod.ru/materials/sklaves.htm> (дата обращения 11.05.2009).

Шатило, И. С. Культурология : курс лекций / И. С. Шатило. – М. : Палеотип, 2007. – 134 с.

Гуревич, Я. Г. Историческая хрестоматия по русской истории. Т.1 / Я. Г. Гуревич. – СПб, 1877. – 558 с.

История России : учеб. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. – М. : ТК Велби, изд-во «Прспект», 2006. – 528 с.

Орлов, Ю. М. Основные умственные операции : лекция по курсу Психология / Ю. М. Орлов. – М. : Гуман. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 125 с.

Софронова, Л. А. О проблемах идентичности / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М. : Индрик, 2006. – С. 8–24.